

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в
тебе самом.
Сборник 11**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 11

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Шансон в тебе самом. Сборник 11 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

В сборнике 11 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О любви без паузы	5
Внезапный дождь	7
Во время проповеди	8
Заподозрил	10
Пригуби	11
Вне настроения любви	12
Под небом земли	14
Вопреки унынию	16
Вино	17
Пиратская любовь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 11

О любви без паузы

Мне молчать бы, а я все бахвалился,
Перед другом красивой тобой,
Словно, солнечный свет вдруг отчалился:
Друг увел вдруг тебя за собой.
Я язык не держу за зубами,
Значит, в чем-то хвастлив, не умен,
Может, даже тупею с годами -
Подтвердил бы мудрец Цицерон.
Но молчать уже пытка и мука,
Говорить же – лишь сплошь о любви.
Ну, и жизнь! Бесконечная скука,
Коль так пусто, так горько в крови!
Я о чем говорю? Сам не знаю!
Я не знаю о чем? Ни о чем!
Сам с собой говорю, заклинаю, -
Цицерон в дружбе той ни причем, -
Заклинаю дружить – это счастье,
Так твердил нам мудрец Цицерон,
Изучая измены во страсти,
Об изменах друзей думал он.
Значит, в были далекой – лишь хаос
Бесконечной надежды любить!
Не могу о любви долгих пауз –
И о ней буду вновь говорить!..
Я любил, Цицерон подтвердил бы -
Стань свидетелем нашей любви!..
В хвастовстве растворяются силы,
В естестве пыл живущей крови!..
Я язык не держу за зубами,
Значит, в чем-то хвастлив, не умен,
Может, даже тупею с годами -
Подтвердил бы мудрец Цицерон.
Я о чем говорю? Сам не знаю!
Я не знаю о чем? Ни о чем!
Сам с собой говорю, заклинаю, -
Цицерон в дружбе той ни причем.
Мне молчать бы, а я все бахвалился,
Перед другом красивой тобой,
Словно, солнечный свет вдруг отчалился:
Друг увел вдруг тебя за собой.
Нет друзей – нет и счастья от Солнца,
Говорил нам мудрец Цицерон,

Перестал я с друзьями бороться,
Нет красивой – спокоен твой сон,
Не красивых нет женщин в природе
Говорил нам мудрец Цицерон,
Я в уме своем, кажется, вроде,
Но совсем замутил мне все он.
Но молчать уже пытка и скука,
А как скажешь – душа вновь в крови.
Ну, и жизнь! Бесконечная мука,
Коль так пусто, так горько в любви!
Ну, и жизнь! Бесконечная мука,
Коль так пусто, так горько в крови!

Внезапный дождь

Он в тучи собирает образ
Земли вершителя судеб,
И повышает всюду скорость,
Кто без зонта и кто раздет.
Он в пустозвонстве демагогий –
Кто нам мешает полюбить,
Он нам сейчас промочит ноги,
Ему по крышам отзвонить!..
Он всех под крыши затолкает,
Нам помешает полюбить,
Нет на двоих квартирki-рая,
Забор – как краскою залит.
Не прислониться! Ноги – в луже!
Он обещал лишь погрозить!
Грозы он дал, но стало – хуже!
И негде, негде полюбить!
Не прислониться! Ноги – в луже!
Он обещал лишь погрозить!
Грозы он дал, но стало – хуже!
И негде, негде полюбить!
Мы под дождем и мы раздеты,
И зонт не взяли на двоих,
Летают над дождем кометы,
А под дождем наш вздох затих.
А в том окне мелькнули тени -
Как в небесах, и свет погас.
Дождь в пустозвонстве сожалений
Пыл страсти остужает в нас.
Он всех под крыши затолкает,
Нам помешает полюбить,
Нет на двоих квартирki-рая,
Забор – как краскою залит.
Не прислониться! Ноги – в луже!
Он обещал лишь погрозить!
Грозы он дал, но стало – хуже!
И негде, негде полюбить!
Не прислониться! Ноги – в луже!
Он обещал лишь погрозить!
Грозы он дал, но стало – хуже!
И негде, негде полюбить!..

Во время проповеди

По стенам - образа печальны,
Но каждый грезил о любви,
Универсальное начало
Теперь у каждого в дали.
И мы полюбим и в печали
Однажды свечкой все сгорим,
Но это будет только в далях,
И проповедь мы отстоим.
«Сошлись вы в чем-то идентично –
И в этом истины черта?
Наоборот, все, что типично –
То – мир, растленность, суета.
Есть универсума начало –
Лишь уподобившись ему,
Ты ни за что не отвечаешь,
Всю на себя беря вину!..»
По стенам тени чутко пляшут,
Дыханье ртов, движенье душ,
Потомки нам из далей машут,
Из далей предков хладный душ.
Но нам пока это не главное,
Лишь бы не гневался наш поп,
И за сомнение похабное,
Никто в кутузку не загреб.
Нет никаких противоречий:
И - лишь поверь, что говорю!..
«Мы так близки! Прочь эти речи!
Тебя – люблю! В пылу - сгорю!
И, обглодаю, как собака,
Увидев сахарную кость!..
Иди ко мне, моя кусака!..»
Услышать в туне довелось.
Да, в церкви тоже просто любят,
И забывают о душе.
И в церкви никого не судят,
Со всем смирились здесь уже.
И, сможет, кто есть попкорны,
И, может, в гаджетах зрит зло,
Здесь все Всевышнему покорны,
Не всем и в далях повезло.
Я ничему не удивляюсь,
Все светлое - в Иной Любви.
И от того не опасаюсь
И черта в сахарной крови.
И в этом нет противоречий,
Ты лишь поверь - что говорю!

А не поверишь – сердцу легче:
В аду завравшись не сгорю!
И в этом нет противоречий,
Ты лишь поверь - что говорю!
А не поверишь – сердцу легче:
В аду зарвавшись, не сгорю!

Заподозрил

Я что-то в туне заподозрил:
Он подозрительно хорош,
Товарищ мой - себе позволил
В моей любви себя на грош.
Товарищ больше не опора!
Мой друг – ты вник в судьбу мою!
Как сквозь кристалл чужого взора
Гляжу в себя, не узнаю!
Не узнаю и друга тоже,
И нет товарища... И – пью...
Как сквозь ухмылку грязной рожи
Гляжу в себя. По роже бью!
Как сквозь ухмылку грязной рожи
Гляжу в себя. По роже бью!
И нет и рожи. А чем трогал
Сердца любимых мной подруг -
Давно уж в одиночку пропил,
Замкнул товарищеский круг.
Теперь свинья мне не товарищ,
А самый настоящий друг?
И никаких тебе пожарищ?
И лишь нож в бок однажды, вдруг?
И никаких тебе пожарищ?
И лишь нож в бок однажды, вдруг?
Минуй же участь в луже черной!
Давай-ка, дернем по второй -
И будь здесь друг моей опорой,
Товарищ выпил со свиньей...
Товарищ больше не опора!
Мой друг – ты вник в судьбу мою!
Как сквозь кристалл чужого взора
Гляжу в себя, не узнаю!
Товарищ больше не опора!
Мой друг – ты вник в судьбу мою!
Как сквозь кристалл чужого взора
Гляжу в себя, не узнаю!
Не узнаю и друга тоже,
И нет товарища... И – пью...
Как сквозь ухмылку грязной рожи
Гляжу в себя. По роже бью!
Как сквозь ухмылку грязной рожи
Все, баста – больше я не пью!..
Все, баста – больше я не пью!..

Пригуби

Ты не выпьешь глотка, и - принципиально?
Не пригубишь вина, лишь чтобы любовь проявить?
Ну, а если я пью, пусть по праздникам, но регулярно,
Как же будем мы их регулярно с тобою делить?
Нет такой высоты, нет такой высоты, где бы дружба
Перестала быть главным, даже и в нашей судьбе.
Ты признайся: ну, если такой я, влюбленный, не нужен,
Так зачем я вне дружбы любви такой сдался тебе!
Да, живем мы и любим, и любим, и любим друг друга.
Ну, а дружба? А дружбу – хоть в праздник - метлой?!
Ты позволь, дорогая, позволь дорогая подруга,
Полюбить нам друг друга под общей понятной звездой?
Ты позволь дорогая, позволь дорогая,
А сомненье уйди, ты же видишь, не хочется жить,
Ну, позволь же налить, может, будем дружить мы до рая,
И по праздникам будем себя бесконечно любить.
Если хочешь – не пей. И не пей, и не пей, и не надо,
Никогда, если хочешь, не пей, ни глоточка не пей,
Только в дружбу не лезь, когда льется вино звездопада,
Как шампанского взрыв, а иначе как хочешь - убей!..
Вот пришел ко мне друг,
Что он третий и лишний?! Ты – тоже:
Когда нужно нам выпить и нужен нам только покой.
Погоди, сгоряча ничего здесь не надо итожить,
Просто ты отойди и в сторонке тихонько постой!
Не тревожь нашей встречи, и братства, и памяти дружбы,
Ну, а хочешь – дружи, но тогда подойди и уважь:
Ты налей нам сама, а коль будет для праздника нужно
Выпей тоже, ведь дружба – это жертва в любви, а не блажь!
Ты позволь дорогая, позволь дорогая, -
А сомненье уйди, ты же видишь, не хочется жить, -
Ну, позволь же налить, может, будем дружить мы до рая,
И по праздникам будем себя бесконечно любить.
Если хочешь – не пей. И не пей, и не пей, и не надо,
Никогда, если хочешь, не пей, ни глоточка не пей,
Только в дружбу не лезь, когда льется вино звездопада,
Как шампанского взрыв, а иначе как хочешь - убей!..
Если хочешь – не пей. И не пей, и не пей, и не надо,
Никогда, если хочешь, не пей, ни глоточка не пей,
Только в дружбу не лезь, коль бежишь от вина звездопада,-
Как шампанского взрыв, - а иначе как хочешь - убей!..

Вне настроения любви

Любя меня, ты выглядишь богиней,
И выглядишь мигерой – не любя,
Выходит, счастья часть проходит мимо,
Но я не Ной, и не спасу себя?
Своим достоинством я пользуюсь уныло:
Есть много светлых качеств у меня,
Но что есть день, когда стоит светило
Над бездной туч: ни света, ни огня...
А подо мной развернутая пропасть –
Я – одинок вне настроения любви.
Небес поизносившаяся лопасть
Осела и купается в крови.
Меня винтом в болтанке задевает,
И башню рвет – и мозг летит в века.
И я, шатаясь, все перебираю
Слова любви... Люблю еще пока.
Ленивый вечер шаг не ускоряет,
Иду я от друзей домой, трясусь,
Мигера меня дома поджидает,
Да, я не Ной, и мой корабль пуст?
Из одиссеи я иду и без достоинств,
Сейчас плюхнусь - где я чувства поверял.
И разлетится в дребезги вся совесть,
И где ее куски я растерял?!

А подо мной развернутая пропасть –
Я – одинок вне настроения любви.
Небес поизносившаяся лопасть
Осела и купается в крови.
Меня винтом в болтанке задевает,
И башню рвет – и мозг летит в века...
И я, шатаясь, все перебираю
Слова любви... Люблю еще пока.
А где-то пары крепкие, магнитом,
Лишь чуть приблизишь – сила восстает,
У Ноя – там вообще битком набито,
А тут мигера, я люблю ее.
Пока еще люблю, в дыму отчаянья:
И плюсовая масса у меня,
Но что есть ночь, когда и без сознания
Я одинок, и дым весь без огня...
Я – одинок вне настроения в любви.
Небес поизносившаяся лопасть
Осела и купается в крови.
Меня винтом в болтанке задевает,
И башню рвет – и мозг летит в века...
И я, шатаясь, все перебираю

Слова любви... Люблю еще пока.
И я, шатаясь, все перебираю
Слова любви... Люблю еще пока.
Слова любви... Люблю еще пока.

Под небом земли

На колени меня не поставила,
И ушел почитать я роман,
Там, где любят – и это, как правило,
Без любви и роман есть обман.
Под небом любви в одиночестве
Читаю «Под небом любви».
И здесь я в бездонном пророчестве,
И здесь не поют соловьи.
Но в звуках Небес в дальних заводях
Я слышу свои голоса,
Пророчества сбудутся загодя,
Где в стяге - небес полоса;
Другой полосой – мир безлуння,
Где если уж ночь – будет тьма;
А третьей – кровавой – в безумии
Любви бесконечной тюрьма.
А третьей – кровавой – в безумии
Любви бесконечной тюрьма.
Любовь – есть безумье тюремное
В тюремной любви – тьма и тлен,
И только Любовь – и нетленная –
Швырнет человека с колен:
Отправит его в мироздания,
Где точно поют соловьи.
В романе моем – испытанием -
Заранее мысли мои.
Но мысли мои – не заразные,
Под небом любви – я один.
Миры есть свои и есть разные -
Над лунным сиянием льдин...
«Под небом любви» я заранее
О доле земной узнаю,
Соловушком с сердцем израненным
С душою навзрыд пропою.
«Под небом любви» - в наказании
Я, спев, что пропелось, стою,
Точь-в-точь, как в тюрьме предсказания,
Где, все отлюбив, - все люблю!
Готов на колени с нежностью,
Как в книжке, любить, стыд поправ,
Но только любовь с неизбежностью
В ужасный там ссыпалась прах.
Но мысли с концом не согласные,
И вновь я читаю роман:
Заря здесь под небом атласная,
Летит соловей в океан...

Под небом любви в одиночестве
Читаю «Под небом любви» -
Как в вечном бездонном пророчестве,
Где в прах не поют соловьи.
Как в вечном бездонном пророчестве,
Где в прах не поют соловьи.
Где в прах не поют соловьи.

Вопреки унынию

Слава Богу, в любви ты отходчива,
Замесилась гроза и прошла,
Сколько раз замечал я доходчиво,
Ты отходчива, я ж – как смола.
Но зато я держусь строго берега,
Не заносит меня никуда,
И не будем мы силами меряться,
Кто же больше страдает всегда.
Вопреки внешним грозам
Я грозен в упрямстве,
Вопреки нелюбви –
Я страдаю втройне!
Кто-то счастлив в пути,
Я же – лишь в постоянстве,
Вопреки той любви,
Где концов не найти.
Кто-то счастлив в пути,
Я же – лишь в постоянстве,
Вопреки той любви,
Где концов не найти.
Солнце катится медленно в вышнее,
И в кровавых отрепьях восход,
Я в тебя, как смола но как вышло-то,
Что и нежность тебя не берет.
Я целую, но ты чуть прижмуришься,
Подхожу, ты назад на ступню,
Отхожу я от ссоры, ты – дуешься,
Что я не постоянно люблю.
Не люблю я отрепьев
Вперемешку с любовью,
Вопреки внешним грозам
Я лишь солнца молю!
Не терплю и лохмотьев,
С затхлым запахом крови,
И вразрез с нелюбовью
Я еще люблю!
Не терплю и лохмотьев,
С затхлым запахом крови,
И вразрез с нелюбовью
Я еще люблю!
Я еще люблю!..

Вино

Дышу и гуляю я смолоду,
Ведь жил на югах у лозы,
Я вечно любил, но в том голоде,
Ни разу не выжал слезы.
Слезам, как в столице, не верилось,
Но пил, видно, много вина,
И старость вдали мне пригрезилась,
Где, впрочем, и дряхлость видна.
Вино сократит мою молодость,
Но молодость скрасит оно.
Не тает без жара и олово,
Не зреет без страсти вино.
В лозе, что, как змий, извивается,
В тумане колеблется стан,
В себе, куда страсть изливается,
Себя узнавать перестав...
Вино – все, что льется и движется,
В тот мир, где в душе все поет,
От аза и буки до ижицы,
Не много – но то все моё!
И следом за тем юность гордая,
Мгновенно в веках повзрослев,
Твердея, как хладное олово,
Пошлет в мир свой первый посев...
Но жизнь сохранит мое олово –
В веках меня скрасит вино!
Как было бы жалко и голодно
Не вейся лоза в мое дно!
Мы пьем и бальзамы, и гадости,
И смотрим с надеждой в окно.
Вино сократит что-то в старости,
Но в юности взбодрит оно!

Мы пьем и бальзамы и гадости,
И смотрим с надеждой в окно.
Вино сократит что-то в старости,
Но в юности взбодрит оно!
Вино сократит что-то в старости,
Но в юности взбодрит оно!
Но в юности взбодрит оно!

Пиратская любовь

Мы встретились с тобой адски -
Молила помощи в толпе,
Тебя схватил я, по-пиратски,
И умыкнул в той суете.
Потом использовал и бросил,
Потом все долго вспоминал,
Потом жалел, что поматросил,
Любовь, а, может, - идеал!
Потом жалел, что поматросил,
Любовь, а, может, - идеал!
Нет благородства, но под сенью
Клокочущих паров в крови
И злой урод свое везенье
Находит в выпавшей любви.
Нет выше, гуще, слаще куша!
И мертвецы спят в сундуках.
И теплится чего-то в душах
Любовь познавших впопыхах.
И тлеет в куцах пальм небрежных
Прах отлюбивших на крови,
В следах промытых побережных
Следы здесь пройденной любви.
Пират с повязкой вкось, как идол,
Застыл над памятью веков,
Где он впервые – здесь – увидел –
Просвет во мраке берегов.
И я стою, гляжу на пальмы,
И вижу тени на песке,
Мы здесь стоим, и твой купальник
Висит на тонком волоске.
И обнаженная натура,
Как самый сладкий в жизни плен,
Я был пиратом бескультурным,
Но не вставал с своих колен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.